

Идею оставить Гу Цзицина на ночь в спальне Чжоу Цыбая встретили с открытым одобрением все, кроме самих виновников торжества. Включая Гу Цзюэ, искренне полагавшего, будто этих двоих водой не разлить.

Лишь когда затихли последние отзвуки застолья, вежливые прощания с родителями Чжоу Цыбая остались позади, а олимпиадная задача по математике для второго класса, с которой бился Чжоу Сяюэ, разрешилась в пару штрихов, юноши наконец оказались в комнате — один на один.

Нависла неловкая тишина.

Разумеется, в общежитии они и так делили одну комнату на двоих, вот только эта спальня разительно отличалась от их привычной обители.

Прежде всего тем, что ложе здесь имелось всего одно.

Вдобавок из-за наплыва гостей все запасные комплекты постельного белья и одноразовые пижамы разошлись подчистую. Ситуация зашла в тупик: одна одежная пара на двоих, одно одеяло и ни единой подходящей сменной одежды для Гу Цзицина.

Гу Цзицин, прекрасно осознававший свою гомосексуальность, трезво оценил положение.

Ознакомившись с раскладом, он произнёс без лишних церемоний:

— Ничего страшного. Найдёшь какое-нибудь пальто или плед, и я спокойно переночую на диване.

Спальня Чжоу Цыбая отличалась внушительными размерами: со своим балконом, кабинетом и отдельной ванной. Однако из-за установленного внутри баскетбольного щита львиную долю пространства сознательно оставили пустой, а из мебели тут имелось разве что скромное кресло-диван, рассчитанное на одного человека.

На нём с трудом свернулся бы калачиком даже хрупкий Цзицин, не говоря уже о махине вроде Чжоу Цыбая. Провести в такой позе целую ночь казалось чистой пыткой.

И какими бы заскоками на почве гомофобии ни страдал хозяин комнаты, заставлять гостя так мучиться он не намеревался. Впрочем, и Гу Цзицин с его характером ни за что не позволил бы самому Цыбаю уступить диван.

Напустив на себя невозмутимый вид, Чжоу Цыбай силой выдавил из себя спокойный тон:

— Не глупи. Кровать огромная, ляжем по разным краям — мешать друг другу не будем.

Ложе и впрямь впечатляло — метра два с лишним в ширину, аккурат как две койки в общежитии. Разместившись по бокам, они едва ли соприкоснулись бы.

Гу Цзицин ломаться не стал:

— Ладно, — кивнул он. — К тому же во сне я практически не кручусь.

При фразе «не кручусь» перед глазами Чжоу Цыбай моментально всплыли те два эпизода, когда юноша беззастенчиво забирался к нему под одеяло. Тело парня одеревенело; на мгновение его обожгло дикое желание забрать свои слова обратно.

Но Цзицин стоял напротив, спокойный и невинный. Он чуть приподнял голову, хлопая ресницами с таким искренним недоумением, словно не понимал, отчего собеседник так резко замялся.

Чжоу Цыбай мысленно сжал зубы.

«Ладно... Чёрт с ним».

Если не считать привычки путать кровати, в остальном тот действительно спал довольно смирно. В конце концов, когда им пришлось ютиться на узкой койке в общежитии, ночь прошла абсолютно спокойно — ничего недозволенного не случилось.

Подавив бурю сомнений, Чжоу Цыбай с наигранной сдержанностью буркнул:

— Вот и славно.

И в спальне снова воцарилось неловкое, почти осязаемое молчание.

Сам Гу Цзицин чувствовал себя вполне непринуждённо: за свою манеру спать он не переживал. К тому же Чжоу Цыбай был настоящим джентльменом (пусть и с долей гомофобии) — а значит, никакой двусмысленности или переходов границ он себе не позволит. А утром они смогут вместе отправиться на волонёрскую акцию — удобно и без лишней суеты.

Единственным неудобством оставалось отсутствие сменной одежды.

Переночевать в одной рубашке не составило бы труда, но, судя по всему, вид голых ног парня действовал на хозяина комнаты крайне нервирующе. Отбросив этот вариант, Цзицин решил не переходить черту — Чжоу Цыбай и так пошёл на значительные уступки, заставляя его нервничать дальше было бы верхом невоспитанности.

Прервав паузу, Цзицин заговорил первым:

— Уж поздно. Я бы хотел приняться за водные процедуры и лечь. Найдётся какая-нибудь твоя старая пижама, которую не жалко одолжить?

— А? Ну... да, конечно.

Смахнув с лица оцепенение, Чжоу Цыбай суетливо сунулся в шкаф, выудил оттуда редкую в обиходе домашнюю одежду и протянул гостю. Затем выложил свежие принадлежности для умывания, выставил комфортную температуру воды в душе и уже собрался быстро ретироваться, дабы не нагнетать неловкость.

Но стоило двери почти прикрыться, как его окликнул мягкий голос:

— Чжоу Цыбай.

Тот замер, не выпуская из пальцев дверную ручку, и обернулся:

— Чего тебе?

— Да так, — встретившись с ним взглядом, тихо проговорил Гу Цзицин. — Хотел просто сказать спасибо.

Ладонь Цыбая на ручке заметно дрогнула.

— За историю с Хэ Чанчжи. И за то, что произошло сегодня, — искренне и с глубоким теплом произнёс юноша. — Я правда очень тебе благодарен.

С непривычки к столь прямой и проникновенной признательности у Чжоу Цыбая моментально вспыхнули уши. Смутившись, он тут же отвёл взор:

— Ерунда. На моём месте любой поступил бы так же. Не бери в голову.

Он дёрнулся было прочь, но за спиной раздалось спокойное:

— Вовсе не любой.

И ноги Цыбая снова будто приросли к полу.

— Далеко не каждый станет заступаться, оберегать и защищать человека, к которому не

питает особого расположения. Это редкое, чистое благородство. Ты замечательный человек, Чжоу Цыбай. Я очень ценю твоё отношение и безмерно тебе признателен.

Гу Цзицин просто привык платить добром за добро каждому, кто проявлял к нему хоть каплю душевного тепла.

Вот только его взор — безгранично мягкий, но исполненный непоколебимой веры — возносил Чжоу Цыбая до высот настоящего, непревзойдённого героя.

Поймав этот взгляд, Чжоу Цыбай ощутил, как сердце пропустило мощный удар. Где-то в глубине груди вспыхнуло и незримо затрепетало нечто странное, щемящее, готовое вот-вот сорвать все привычные запоры и выплеснуться наружу.

И лишь когда на рабочем столе залился трелью частый сигнал уведомлений, парня словно ушатом холодной воды окатило. Смявшись, он выпалил:

— Иди уже в душ!

И захлопнул за собой дверь ванны.

Плотно прижав дверную панель, Цыбай ещё долго сжимал ручку до побелевших костяшек, пытался привести в норму бешено колотящийся пульс и думал, что на днях надо бы обязательно записаться к кардиологу.

А затем в его голове снова зазвучали фразы Цзицина.

«Замечательный человек».

«Безмерно признателен».

«Очень ценю...»

... Блять.

Неужели Гу Цзицин, у которого изначально и в мыслях ничего подобного не было, растрогался из-за пары благородных поступков и... влюбился в него?!

Мысль о подобном исходе обдала Чжоу Цыбая морозным потом. Он сжал губы и, подскочив к письменному столу, схватил смартфон, судорожно надеясь отвлечься.

В общей беседе общужития как раз сыпались сообщения:

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]:**** @Четвёртый, ахахах, я тут перелистывал историю сообщений и наткнулся на то «руководство», что тебе скидывал! Умора! Мы же реально тогда думали, будто Гу-Гу вознамерился сделать из тебя гея! Полный бред!

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]:**** Вы только вчитайтесь, что за дичь там написана: «Найди повод остаться у него дома, воспользуйся его ванной, надень его одежду, дай ему подсознательный намёк, будто ты уже его любовник...»

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]:**** «Проявляй слабость, тешь его раздутое эго и дух соперничества, разбуди в нём инстинкт защитника, держи на расстоянии и приближай, чтобы он потерял покой и начал ревновать...» Что за ахинея?!

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]:**** В каком веке кто-то вообще верит в подобную чушь? Пересмотрели древние драмы про властных боссов десятилетней давности? Какой нормальный мужик на такое клюнет, ахахаха...

Чжоу Цыбай, который буквально этим вечером разыграл благородного спасителя, одолжил свою пижаму и разрешил воспользоваться собственной ванной:

— ...

Не успел парень окончательно переварить прочитанное, как дверь душевой со щелчком отворилась.

Он вскинул взор.

Из парной вышел Гу Цзицин с влажными кончиками волос.

Из-за существенной разницы в комплекции домашний комплект Цыбая сидел на нём чересчур свободно. Штанины и рукава пришлось небрежно подвернуть, отчего обнажились тонкие белоснежные запястья и щиколотки, а соскользнувший ворот явил миру безупречную линию ключиц и широкую полосу чистой кожи.

От горячего пара фарфоровая бледность юноши окрасилась едва заметным, нежным румянцем.

Изгиб талии терялся в складках чёрного шёлка — тонкой, хрупкой, которую, казалось, можно было легко обнять одной рукой. Обнять и...

Прижать к себе.

Скорчившись от ужаса перед собственной внезапной мыслью, Чжоу Цыбай мысленно обозвал себя сумасшедшим и торопливо отвёл глаза:

— Э-э... Ну, ты... Я...

— Ты чего? — абсолютно безмятежно спросил Гу Цзицин, приближаясь. Заметив, что плед сполз с дивана на пол, он наклонился, чтобы его поднять.

В воздухе мгновенно разнёсся знакомый аромат геля для душа — точно такого же, каким пользовался сам Цыбай. Распахнутый вырез пижамы провис, на мгновение открыв взору хозяина комнаты обольстительную картину.

И пусть этот момент длился едва ли долю секунды, увиденных розоватых оттенков хватило, чтобы Чжоу Цыбай, точно подпаленный, с диким подскоком рванул с места.

— Это... Хочешь — ложись! Я... мне надо в умывальник! — проямлил он нечто невнятное и, не оглядываясь, пулей залетел в ванную.

Спустя мгновение оттуда донёсся шумящий поток воды.

Гу Цзицин с пледом в руках лишь замер в недоумении:

— ...

Похоже, пребывание двух молодых людей наедине в одной комнате действительно давалось Чжоу Цыбаю с превеликим трудом.

Поразмыслив, Цзицин решил: по возвращении в университет стоит держаться от соседа на подчёркнуто почтительной, безопасной дистанции, дабы не доставлять тому лишнего дискомфорта. Воспитанность Цыбая заслуживала уважения, но и самому Гу Цзицину следовало знать меру.

Аккуратно разгладив плед на диванчике, Цзицин забрался на край широкой кровати. Забившись в самый дальний угол, он свернулся в аккуратный клубочек и накрылся самым краешком огромного одеяла, стараясь быть как можно более незаметным и не занимать лишнего места.

За окнами бесновалась метель, а в комнате уютно потрескивало каминное пламя.

Поначалу Гу Цзицин чувствовал себя непривычно на новом месте, однако знакомый, умиротворяющий запах, исходящий от пижамы, быстро подействовал на него, и юноша погрузился в глубокий сон.

Тем временем Чжоу Цыбай всё не выходил из ванной.

Он скрутил вентиль холодной воды до предела, но ледяные струи не могли сбить внутренний жар.

Перед глазами неотступно стоял Гу Цзицин: его нежный, исполненный слепого доверия и лёгкого восхищения взгляд... и тот мгновенный, сбивающий с толку вид обнажённой кожи.

Разве может парень быть настолько белоснежным... и настолько нежно-розовым?

Одно лишь это воспоминание заставляло кровь в жилах закипать с новой силой.

А главное — тот взгляд! В нём явно читалось нечто большее, чем просто дружеская признательность.

И пусть Цыбай ни грош не верил во всякие сетевые советы по соблазнению, почему, чёрт возьми, каждый пункт из того списка совпал с точностью до мелочей?! Не бывает же таких абсолютно слепых совпадений!

Раздражение и смущение нарастали с каждой секундой. В конце концов Чжоу Цыбай твёрдо решил: нужно немедленно расставить все точки над «i». Объяснить Гу Цзицину, что его заступничество — лишь проявление элементарного воспитания, и ничего иного за этим не стоит. Нельзя давать парню повод для ложных надежд!

С этой мыслью он решительно закрутил кран, кое-как обтёрся полотенцем, накинул банный халат и выскочил из ванной.

Едва переступив порог, он замер: на самом краю огромного ложа свернувшийся кокон из одеяла с медленным, но неуклонно ускоряющимся вращением сползал прямо на пол.

Сработав на одном лишь инстинкте, Цыбай за пару стремительных шагов преодолел расстояние, вскочил коленями на матрас и, обхватив сонного юношу за талию, рывком подтянул его к центру. Спящий Гу Цзицин послушно покатился обратно.

Чжоу Цыбай уже намеревался отстраниться, но не учёл одной детали: возвращаясь на место, Цзицин прижал своим телом длинный пояс его халата.

Стоило Цыбаю дёрнуться вверх, как узел с шорохом распустился, а самого его потянула вниз сила инерции.

И пусть парень успел выставить локти, оперевшись в матрас, он всем весом накрыл лежащего под ним Гу Цзицина.

От резкого движения шёлковый ворот пижамы соскользнул с плеча Цзицина, обнажив хрупкую

белизну кожи. Это изящное, утончённое плечо резко контрастировало с рельефным предплечьем Цыбая, покрытым золотистым загаром.

Лишь сейчас Чжоу Цыбай с неожиданной отчётливостью осознал, насколько его сосед тонок, мягок и как упоительно от него пахнет. Вблизи черты его лица казались ещё безупречнее, чем при дневном свете.

Окутанный его собственным ароматом, юноша лежал под ним и, медленно пробуждаясь от сна, недоумённо приоткрыл глаза. Алая родинка в уголке его века придавала этому спросонья расплывшемуся взгляду невольное, чистейшее очарование, способное смутить чей угодно покой.

С трудом стряхнув остатки неги, Гу Цзицин воззрился на оказавшееся в опасной близости, залитое краской лицо Чжоу Цыбая. Взглянув на распахнувшийся халат и оценив неловкость положения соседа, он тихо, с едва уловимой хрипотцой поинтересовался:

— Тебе... помочь?

<http://bllate.org/book/20143/1992111>